

Меняющиеся образы Восточной Азии в сознании жителей Тихоокеанской России: срезы последних лет

Виктор Лаврентьевич Ларин,

академик РАН, доктор исторических наук, профессор,
заведующий Центром глобальных и региональных ис-
следований Института истории, археологии и этногра-
фии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: victorlar@mail.ru

Лилия Львовна Ларина,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотруд-
ник, заведующая лабораторией изучения общественно-
го мнения Института истории, археологии и этногра-
фии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: lilylar25@mail.ru

Статья представляет собой аналитическое обобщение результатов трёх социологических опросов, проведённых лабораторией изучения общественного мнения ИИАЭ ДВО РАН в 2017—2019 гг. на территории Дальневосточного федерального округа и посвящённых восприятию жителями региона зарубежных стран, в первую очередь соседних государств Тихоокеанской Азии. Авторы выделяют как некоторые устойчивые оценки, которые жители Тихоокеанской России дают на протяжении многих лет, так и переменные величины, на появление которых оказали влияние события последних лет в России и за рубежом. Отмечаются некоторые территориальные, гендерные и возрастные особенности понимания этих проблем. По возможности приводятся сравнения с общероссийскими данными. Особое внимание уделено таким аспектам, как эмоциональное восприятие стран-соседей и их жителей, состояние и перспективы двусторонних связей России с зарубежными государствами, отношение к вовлечению этих государств, прежде всего Китая, в экономическое развитие Дальнего Востока, восточноазиатская миграция на территории РФ, оценка внешних угроз интересам и безопасности России на Тихом океане. Авторы приходят к выводу, что сформировавшиеся в сознании жителей Тихоокеанской России образы государств и народов во многом ограничены и противоречивы. Изменение масштабов, характера и качества экономических, политических и гуманитарных связей РФ и её граждан с этими странами, безусловно, влияют на сложившиеся образы, но данные процессы происходят достаточно медленно. Большинство жителей Тихоокеанской России остаются сознательно и подсознательно европейски ориентированными, но при этом прагматические соображения — понимание безальтернативности экономических связей с Китаем, Японией

и Южной Кореей — сказываются на выборе ими зарубежных партнёров для сотрудничества, главным среди них однозначно называется Китай.

Ключевые слова: Восточная Азия, Тихоокеанская Россия, общественное мнение.

Changing Images of East Asia in the Minds of the Inhabitants of Pacific Russia: Features of Recent Years.

Viktor Larin, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: victorlar@mail.ru.

Liliia Larina, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: lilylar25@mail.ru.

The paper represents an analytical generalization of the results of three sociological surveys conducted by the Laboratory for Public Opinion Studies of the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East on the territory of the Far Eastern Federal District between 2017 and 2019 and devoted to the perception of foreign countries, primarily of the neighboring states of Pacific Asia by the residents of the region. The authors highlight both some unshakable assessments that have been given by the inhabitants of Pacific Russia for many years and variable values that have arisen under the influence of Russian and international events in recent years. Some territorial, gender and age specificities of the survey results are noted. Comparisons are made with all-Russian data when it is possible. Particular attention is paid to such aspects as the emotional perception of neighboring countries and their inhabitants, the state and prospects of Russia's bilateral relations with foreign states, attitudes towards the involvement of these states, primarily China, in the economic development of the Russian Far East, East Asian migration in Russia, an assessment of external threats to the interests and security of Russia in the Pacific region. The authors come to the conclusion that the images of states and nations, which have formed in the minds of people of Pacific Russia, are in many ways limited and contradictory. The changes in the scale, nature and quality of economic, political and humanitarian ties of the Russian Federation and its citizens with these countries certainly affect the existing images, but these processes are going rather slowly. Most of the inhabitants of Pacific Russia remain consciously and subconsciously European-oriented, but at the same time pragmatic considerations — understanding that there is no alternative to economic ties with China, Japan and South Korea — affect their choice of foreign partners for cooperation where China is certainly the main one.

Keywords: East Asia, Pacific Russia, public opinion.

ВВЕДЕНИЕ

Влияют ли напрямую представления рядовых жителей Тихоокеанской России о Китае, Японии, странах Корейского полуострова на формирование тихоокеанской политики Москвы? Однозначным ответом является «нет». Как показывает историческая практика многих государств, в том числе России, политические игры, теории, сценарии и фобии лиц, принимающих

решения, экспертов и консультантов весьма далеки от устремлений и представлений рядового гражданина [12, с. 18]. Влияют ли косвенно? Весьма замысловатым образом, через позицию, настроения, идеи, предложения местных политиков и экспертов, средства массовой информации? Вероятно, да. Но совершенно точно, что эти взгляды и представления оказывают непосредственное воздействие на характер межрегионального экономического и гуманитарного обмена и его результаты, а поэтому требуют постоянного мониторинга, оценки и прогноза. Делается это, прежде всего, посредством социологических опросов жителей региона с ориентацией на те слои дальневосточного социума, которые прямо или опосредованно формируют общественное мнение и настраивают его на решение тех или иных политических, экономических и гуманитарных задач.

Лаборатория изучения общественного мнения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН осуществляет мониторинг взглядов и представлений жителей Тихоокеанской России о соседних странах и народах с середины 1990-х гг. Разработаны соответствующие методики, накоплен и апробирован большой массив информации. Методики, инструменты и результаты проверены временем, что позволяет эффективно использовать их сегодня и с большой долей достоверности давать оценки нынешним взглядам дальневосточников, выявляя тренды и динамику, прогнозируя развитие.

За последние годы были проведены три опроса, которые охватили почти всю территорию Дальневосточного федерального округа (ДФО) в его нынешних границах, за исключением Саха-Якутии и Чукотки. Первое исследование прошло в мае — сентябре 2017 г. на притихоокеанских территориях ДФО (Приморский и Камчатский края, Сахалин и Магадан) при финансовой поддержке Генерального консульства КНР в г. Владивостоке. На вопросы анкеты ответили 1145 жителей указанных территорий. Целью было выявление отношения населения региона к Китаю и китайцам. Результаты опроса частично опубликованы [8].

Весной — летом 2018 г. в рамках гранта РФФИ «Малая Восточная Азия в Тихоокеанской России» был проведён опрос жителей Владивостока, Хабаровска и Южно-Сахалинска на предмет их восприятия мигрантов из стран Восточной Азии и взаимодействия с ними. Во Владивостоке и Хабаровске он охватил по 200 респондентов, в Южно-Сахалинске — 130. По итогам исследования был сделан вывод, что жители указанных городов по-прежнему слабо предрасположены к принятию мигрантов из соседних стран Восточной Азии и тесному с ними взаимодействию [9].

Работа продолжилась в марте — июне 2019 г., когда опять же при поддержке Генерального консульства КНР в г. Владивостоке изучалась обстановка в городах ДФО, расположенных в относительной близости к китайской границе (Благовещенск, Биробиджан, Владивосток, Дальнереченск, Хабаровск и Чита), а также в несколько отдалённом от границы с Китаем Улан-Удэ. Использовалась анкета, на 90% идентичная той, что применялась в первом опросе.

Во всех трёх исследованиях акцент был сделан на изучении взглядов и представлений людей, живущих в главных городах региона, имеющих высшее или среднее специальное образование. Такой «перекосяк» допущен сознательно. Он обусловлен задачами исследования: именно люди с высшим и средним специальным образованием, проживающие в центральных городах региона, не только наиболее активно участвуют в межрегиональном и трансграничном экономическом и гуманитарном обмене, прямо или косвенно воздействуют на принятие решений в сфере международной деятельности государства и зарубежных связей его территорий, но и разными путями создают общую атмосферу восприятия стран мира гражданами России и влияют на формирование внешней политики и международных отношений Кремля.

За три года, прошедших с начала первого опроса, социально-политическая и экономическая обстановка в РФ в целом, в ДФО и вокруг него претерпела незначительные изменения. Из существенных внутрироссийских и международных событий, способных серьёзно повлиять на взгляды жителей, можно выделить усилившийся антироссийский курс Вашингтона и заметное снижение напряжённости на Корейском полуострове. Не произошло кардинальных изменений в отношениях нашей страны с КНР, Японией и Южной Кореей, тональность освещения региональной тематики в информационном пространстве РФ также осталась прежней. Примечательными для ДФО событиями стали участие Си Цзиньпина, Синдзо Абэ и Мун Чжэ Ина в Восточном экономическом форуме в 2017—2019 гг. и их переговоры во Владивостоке с В. Путиным. Однако каким-то заметным образом эти события на характер и результаты отношений Тихоокеанской России с КНР, Японией и Южной Кореей не повлияли.

Не изменились и масштабы экономических связей Тихоокеанской России с этими государствами. Они существенно сократились (в долларовом исчислении) в 2014—2015 гг. вследствие девальвации рубля в 2014 г., падения мировых цен на нефть, санкций США и Евросоюза против РФ и резкого снижения покупательной способности дальневосточников, но в последние три года стагнировали на уровне начала десятилетия. Самым заметным явлением в общем комплексе международных связей Тихоокеанской России последних лет стал существенный рост китайского и южнокорейского туризма, прежде всего в Приморском крае¹.

Таким образом, ни внешняя среда, ни внутривнутриполитическая ситуация в РФ не создавали принципиально новых условий для изменения общественного мнения в зоне Тихоокеанской России. Данная статья обобщает результаты трёх опросов и имеет своей целью выявить как стабильные

¹ По официальной статистике, в течение 2018 г. в Приморском крае побывали 385 тыс. туристов из КНР, 220 тыс. — из Южной Кореи, 20 тыс. — из Японии [5]. В 2019 г., по данным пресс-службы краевого правительства, Приморье посетили уже более 456 тыс. китайских, около 300 тыс. корейских и 34 тыс. японских туристов, см.: <https://www.eastrussia.ru/news/potok-inostrannykh-turistov-vyros-v-primore/> (дата обращения: 18.01.2020).

критерии оценки государств Тихоокеанского региона жителями Тихоокеанской России, так и переменные величины, на которые оказали влияние события последних лет. Поскольку в руках исследователей находятся результаты предыдущих опросов, есть возможность зафиксировать и некоторые тенденции в восприятии стран мира вообще и региона, в частности, жителями главных городов Тихоокеанской России.

СТРАНЫ МИРА В КОНТЕКСТЕ ОБЩИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ

Первая, в какой-то степени «разминочная», тема, настраивающая респондентов на размышления о том внешнем окружении, в котором сегодня существует Россия и они сами, и традиционно начинающая анкеты 2017 и 2019 гг., нацелена на выявление абстрактно-эмоционального отношения к тем или иным странам мира. Это делается посредством фиксации умозрительных симпатий, туристических пристрастий, трудовых и миграционных предпочтений опрашиваемых.

В 2019 г., отвечая на вопрос *Какая страна вызывает у Вас наибольшие симпатии?*, участники исследования безоговорочно отдали первенство России (45%). Среди зарубежных государств в лидерах оказалась Япония (36%), второе-третье место делят Австралия и Канада (26 и 25%). Китай и Южная Корея занимают пятую-шестую позиции (19 и 18%). США предпоследние в рейтинге: они обошли лишь своего антагониста — Северную Корею.

Сравнивая эти данные с результатами исследования 2017 г., проводившегося преимущественно в отдалённых от КНР краях и областях ДФО, необходимо принимать во внимание географическое положение и, соответственно, неодинаковые возможности и масштабы взаимодействия различных территорий региона с Китаем. Сопоставление результатов двух опросов даёт весьма любопытную картину (табл. 1).

В частности, оно показывает, что уровень симпатий к Японии, Австралии, Франции, Южной Кореи, Индии и КНДР на приграничных с Китаем и отдалённых от него территориях практически одинаков. Но вот КНР (как и РФ) на приграничных с Китаем российских территориях симпатизирует

Таблица 1
Симпатии дальневосточников к странам мира (2017, 2019 гг., в процентах от числа опрошенных, возможны не более 3 ответов)

Страна	2017 г.	2019 г.	+/-
Россия	56	45	-11
Япония	37	36	-1
Австралия	26	26	0
КНР	26	19	-7
Франция	19	20	+1
Канада	18	25	+7
Южная Корея	18	18	0
Германия	17	21	+4
Индия	13	11	-2
США	10	15	+5
КНДР	5	4	-1

меньшая доля населения (на 7 и 11% соответственно), в то время как Канаду, США и Германию положительно воспринимают на 7, 5 и 4% больше опрошенных.

При этом важно иметь в виду, что ответы на данный вопрос дают нам не более чем шкалу страновых приоритетов индивидуумов, возрастных и социальных групп, городов и населения региона в целом, но ни в коем случае не позволяют судить об антипатиях и измерять реальный «градус» пристрастий и любви респондентов к той или иной стране.

Государствами, которые вызывают наибольший интерес как объекты туризма, являются Япония, Франция и Австралия. Япония занимает первое место почти на всех притихоокеанских территориях, и только жители Биробиджана и Улан-Удэ, хотя и с небольшим преимуществом, отдали предпочтение Франции (рис. 1)².

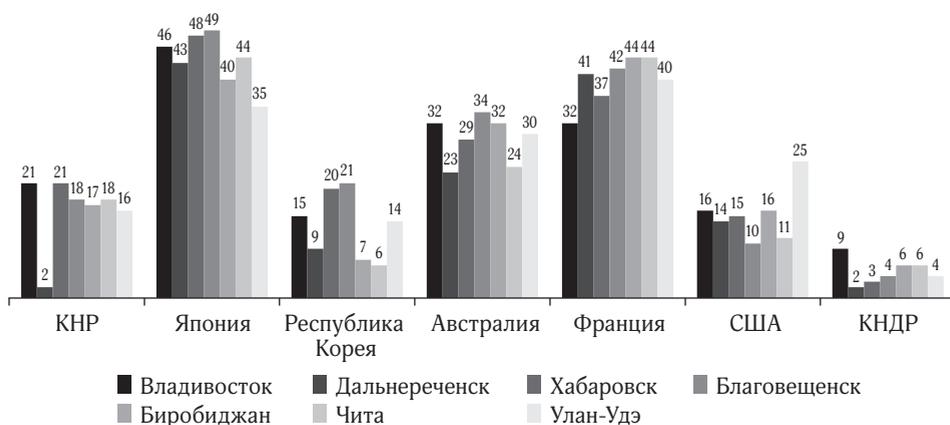

Рис. 1. Интерес к туристическим поездкам в разные страны мира (2019 г., по территориям Тихоокеанской России, в процентах от числа опрошенных)

Китай пока ещё не стал особо привлекательным туристическим объектом. Лишь 18% в 2019 г. и 22% в 2017 г. отметили его как наиболее интересный с этой точки зрения. Но, с другой стороны, поездки в КНР не являются для жителей региона чем-то особенным. Многие из них уже бывали в этой стране, а определённая часть ездит туда регулярно. Опросы населения Тихоокеанской России показывают: доля взрослых дальневосточников, имевшая возможность лично познакомиться с Китаем, составляет около 60% (58% на притихоокеанских территориях и 62% на приграничных).

Закономерно, что частота поездок в КНР напрямую зависит от места жительства респондентов. Так, если отталкиваться от результатов опросов, в Китае бывало только 30—32% взрослого населения Магадана

² Опрос фонда «Общественное мнение», проведённый в России в апреле 2018 г., дал даже более высокую цифру желающих посетить Китай в качестве туристов — 23,7%. В шкале туристических приоритетов КНР разместилась на четвёртом месте после Италии, Франции и Германии (см.: [15]).

и Петропавловска-Камчатского, во Владивостоке же и Благовещенске ситуация диаметрально противоположная. Более того, можно предположить, что около четверти жителей двух последних городов регулярно ездят в КНР (рис. 2). И чем дальше живут люди от границы, тем меньше у них возможностей для посещения страны, да и интерес к ней ниже.

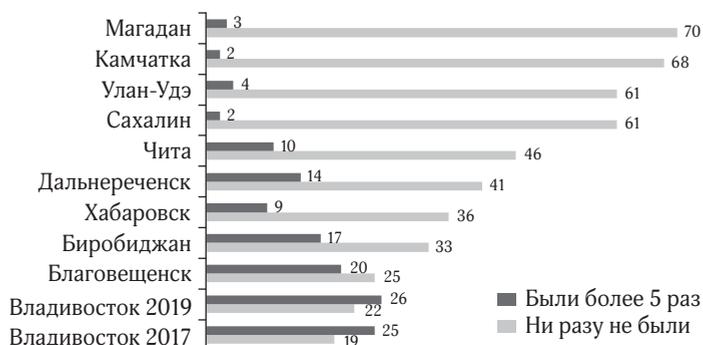

Рис. 2. Посещение Китая жителями ДФО (2017, 2019 гг., в процентах от числа опрошенных по территориям ДФО)

И официальная статистика, и наши прежние опросы показывают, что поездки в другие страны Тихоокеанской Азии — Японию, Северную и Южную Корею — жители Тихоокеанской России совершают значительно реже. Например, в 2016 г. из Приморского края в КНР (включая Гонконг) выезжали почти 610 тыс. чел., тогда как в Южную Корею — 120 тыс., а в Японию — лишь 21 тыс. [17]. Результаты опроса 2016 г. во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Биробиджане и Находке показали, что если в КНР хотя бы раз в жизни побывал 71% респондентов, то в Японии и Южной Корее — по 29%, а в Северной Корее — 22% опрошенных³. Соответственно, возможностей общаться с корейцами и японцами у дальневосточников было намного меньше, чем с китайцами.

Работать и жить более половины респондентов предпочли бы в России (54 и 64%). Германия, Канада и США (эти страны выбрали от 19 до 24%) кажутся им наиболее интересными для работы вне РФ. Канада, Австралия и Германия (19, 16 и 15%) лидируют среди других государств как место потенциальной эмиграции. В этом отношении данные опроса 2019 г. практически совпадают с результатами исследования 2017 г. Каких-то заметных различий по возрастному, половому, территориальному признакам в ответах на данные вопросы не обнаруживается.

Суммируя ответы респондентов по четырём рассмотренным выше позициям, мы традиционно составляем интегрированную таблицу «страновых пристрастий» дальневосточников (табл. 2). Россия в этом рейтинге является безусловным лидером и намного опережает самое популярное из зарубежных государств — Японию. Остальные страны Азии разместились в нижней части таблицы. Обращает на себя внимание то, что интерес к работе

³ Текущий архив лаборатории изучения общественного мнения ИИАЭ ДВО РАН.

Таблица 2

Интерес и симпатии респондентов к странам мира (по итогам опроса 2019 г., в процентах от числа опрошенных, возможны не более 3 ответов)

Наибольшие симпатии	Туризм	Работа	Постоянное проживание	Сумма баллов
Россия (45)	Япония (44)	Россия (54)	Россия (64)	Россия (187)
Япония (36)	Франция (38)	Канада (24)	Канада (19)	Япония (105)
Австралия (26)	Австралия (30)	Германия (22)	Австралия (16)	Австралия (85)
Канада (25)	Индия (27)	США (19)	Германия (15)	Канада (80)
Германия (21)	Россия (24)	Япония (14)	США (13)	Франция (77)
Франция (20)	КНР (18)	Австралия (13)	Япония (11)	Германия (76)
КНР (19)	Германия (18)	Респ. Корея (8)	Франция (11)	США (63)
Респ. Корея (18)	США (16)	Франция (8)	Респ. Корея (7)	КНР (47)
США (15)	Респ. Корея (14)	КНР (6)	КНР (4)	Респ. Корея (47)
Индия (11)	Канада (12)	Индия (2)	Индия (2)	Индия (42)
КНДР (3)	КНДР (5)	КНДР (1)	КНДР (1)	КНДР (10)

за рубежом выразила четвёртая часть респондентов, а к иммиграции — каждый пятый, и в обоих случаях главным ориентиром является Канада.

Сравнение интегрированных данных исследований 2017 и 2019 гг. выявляет практически одинаковые результаты страновой ориентации жителей Тихоокеанской России, но при этом разный «градус» признания отдельных государств, в том числе Китая, по территориям ДФО (табл. 3).

Безусловно, эти цифровые показатели ни в коем случае нельзя абсолютизировать. Они являются лишь некоторыми ориентирами, которые дают возможность вывести «общую температуру по больнице», с одной стороны, и помогают осуществлять дефиниции между территориями в их

Таблица 3

Рейтинг стран по итогам опросов 2017 и 2019 гг.

Страна	Место		Баллы		
	2019	2017	2019	2017	+/-
Россия	1	1	187	221	-34
Япония	2	2	105	103	+2
Австралия	3	3	85	84	+1
Канада	4	5	80	63	+17
Франция	5	4	77	71	+6
Германия	6	6	76	60	+16
США	7	9	63	47	+16
КНР	8—9	7	47	57	-10
Южная Корея	8—9	10	47	45	+2
Индия	10	8	42	47	-5
КНДР	11	11	10	13	-3

восприятию стран мира, с другой. Также обращает на себя внимание, что доминируют в рейтинге европейские государства. Фактор культурной принадлежности играет в проявлении симпатий если не решающую, то очень важную роль. Исключение составляет Япония, специфика отношения к которой исследована и оценена нами в предшествующих работах [10, с. 181—216; 11].

Ранее мы отмечали поступательное увеличение симпатий жителей Тихоокеанской России к Китаю [10, с. 297—298]. Сегодня данная динамика нарушена. Причины и вероятные последствия этого требуют дополнительного исследования. Также понизился уровень негативного настроения дальневосточников в отношении США, тенденции роста которого отмечались с конца первого десятилетия этого века. Можно предположить, что часть жителей региона, прежде всего молодёжь, воспринимают положительно и нынешнего президента США Д. Трампа, и его действия. Вероятно, поэтому в симпатиях к Соединённым Штатам Америки признались 35% студентов и 40% молодых людей в возрасте до 20 лет. Хотя из ответов на некоторые другие вопросы анкеты становится очевидным, что США жители региона рассматривают преимущественно как угрозу России и не ждут ничего хорошего от отношений с этой страной в будущем.

Имея на руках опросы населения южной части ДФО за последние 20 лет, мы можем выявить определённые тренды в его отношении к конкретным странам Восточной Азии. Рассмотрим эту динамику применительно к трём государствам региона в плане общих симпатий, туризма, временной работы и иммиграции⁴ (рис. 3—5). Поскольку доля респондентов, выражавших симпатии и интерес к Северной Корее все годы преимущественно колебалась в диапазоне от 1 до 5% и редко превышала эти рамки, уделять специальное внимание данной стране нет необходимости.

Анализ представленной выше динамики отношения жителей Тихоокеанской России к странам Восточной Азии позволяет отметить несколько важных моментов. Во-первых, стабильным лидером среди этих государств в области симпатий и туризма является Япония. Во-вторых, с начала XXI в. до 2013 г. наблюдается устойчивый рост общих симпатий, интереса к туризму и временной работе в Китае. В-третьих, выявляются сегменты населения, стабильно нацеленные на работу (от 5 до 10%)

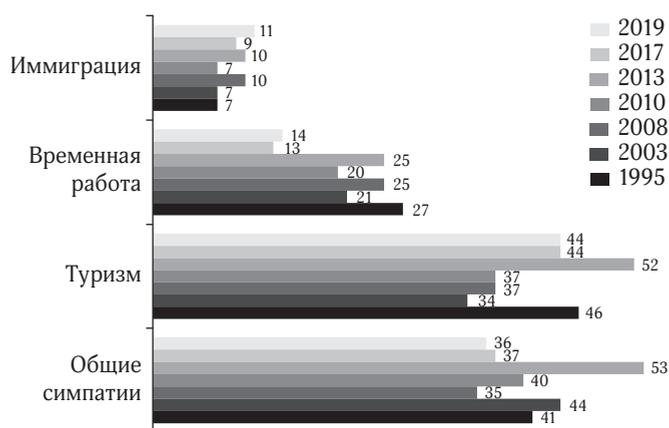

Рис. 3. Динамика положительного отношения жителей Тихоокеанской России к Японии (1995—2019 гг., в процентах от числа опрошенных)

⁴ Полные результаты опросов 1995—2018 гг. см.: [7; 8; 10, с. 98—105].

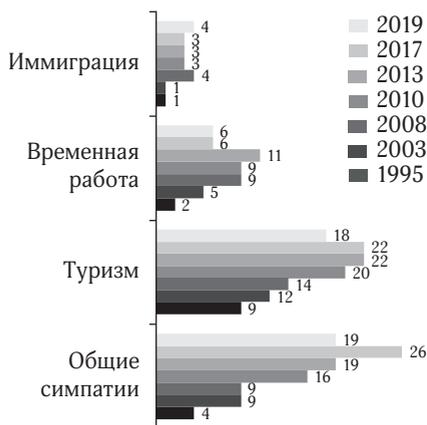

Рис. 4. Динамика положительно-го отношения жителей южной части Тихоокеанской России к Китаю (1995—2019 гг., в процентах от числа опрошенных)

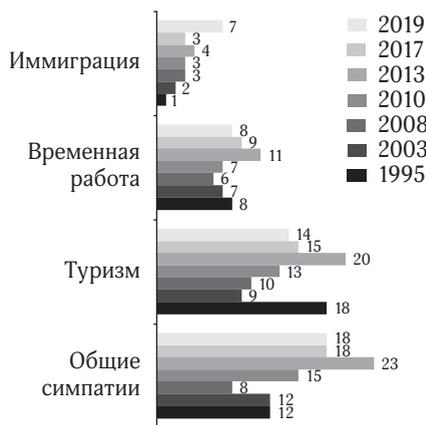

Рис. 5. Динамика положительно-го отношения жителей южной части Тихоокеанской России к Южной Корее (по опросам 1995—2019 гг., в процентах от числа опрошенных)

и иммиграцию (3—5%) в страны Восточной Азии. В-четвёртых, на 2013 г. приходится наивысший подъём уровня симпатий жителей региона и их туристических ожиданий по отношению к Японии и Южной Корее, что было в немалой степени связано с надеждами на активное развитие отношений с этими странами после саммита АТЭС в 2012 г. во Владивостоке. Однако обвал курса рубля похоронил многие планы туристических поездок, а ухудшение международной обстановки вокруг России резко поубавило оптимизма у дальневосточников в отношении Японии и Южной Кореи. На этом фоне в 2017 г. резко подскочил уровень симпатий к Китаю (до 26%), который, однако, через два года опустился до отметки 2013 г.

Для сравнения посмотрим на динамику восприятия жителями Тихоокеанской России стран европейской культуры, расположенных в разных частях света — США, Австралии и Франции (рис. 6). Отношение к ним

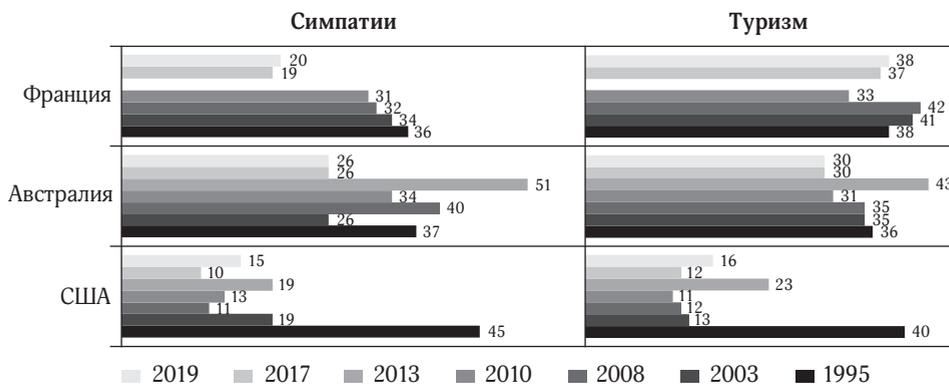

Рис. 6. Динамика симпатий и интереса к туризму в страны европейской культуры (1995—2019 гг., в процентах от числа опрошенных)

достаточно ровное. Исключение составляют резкое падение уровня симпатий к США во второй половине 1990-х гг., некоторый всплеск симпатий и интереса к Австралии в 2013 г. и определённое сокращение степени популярности этих стран в условиях американских санкций, присоединения к ним Австралии и обострения отношений России с Евросоюзом.

Мотивация симпатий к той или иной стране мира имеет важное значение для понимания истинного отношения к ней. И здесь обнаруживаются очень интересные нюансы (табл. 4). Во-первых, для многих респондентов, которые объявили о своих симпатиях к Японии, Южной Корее и США, доминирующим фактором является уровень экономического развития страны. Китай является единственным исключением: большинство объясняет свои симпатии интересом к его *культурным традициям*. В 2019 г. этот мотив стал главным для 19% опрошенных. Во-вторых, именно культурные традиции, т.е. культурная непохожесть, своеобразие, государств Восточной Азии являются вторым важнейшим фактором для появления интереса к ним. В-третьих, военно-политическая мощь занимает последнее место среди критериев, определяющих симпатии к стране.

Таблица 4

Причины симпатий респондентов к странам мира (2019 г., в процентах от числа опрошенных; в скобках — место в рейтинге симпатий к стране)

	Япония	Южная Корея	КНР	США
Уровень экономического развития	37 (1)	16 (1)	14 (2)	20 (1)
Культурные традиции	34 (2)	10 (3)	19 (1)	4 (6–7)
Дружелюбие и гостеприимство народа	14 (3)	12 (2)	9 (3)	5 (4–5)
Природное разнообразие	10 (4)	4 (4–6)	7 (4–5)	7 (3)
Общественно-политический строй	7 (5–6)	4 (4–6)	7 (4–5)	9 (2)
Необъяснимые симпатии	7 (5–6)	4 (4–6)	1 (7)	5 (4–5)
Военно-политическая мощь	2 (7)	1 (7)	4 (7)	4 (6–7)

Таким образом, географически близкая Восточная Азия по-прежнему, как показывают ответы на первые вопросы анкет, остаётся для жителей Тихоокеанской России культурно далёкой и не слишком притягательной в бытовом отношении. Экономические факторы представляются более важными. Но мы всё же начнём с политических.

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

Положительное или не очень восприятие россиянами стран мира в значительной степени обусловлено их представлениями о современном состоянии отношений РФ с этими государствами и прогнозами об их будущем развитии. И взгляды эти весьма противоречивы. Наиболее

Рис. 7. Оценка современных отношений России со странами АТР (2019 г., в процентах от числа опрошенных)

тают 66% респондентов. Таким образом, эмпирическим способом подтверждается утверждение президента России В.В. Путина, что «такой глубины и широты отношений, как с Китаем», у нас нет ни с одной страной мира [13]. По крайней мере, среди государств Тихоокеанской Азии и Северной Пацифики.

Оценивая качество российско-китайских отношений, более половины респондентов (55%) согласились, что их можно именовать отношениями *стратегического партнёрства*, 36% назвали их *добрососедскими*. *Дружественными* их считает каждый четвёртый опрошенный (27%). Минимальное количество респондентов (5%) выделило *взаимное недоверие* в качестве характеристики отношений; *напряжёнными* их назвали 4%, и совсем

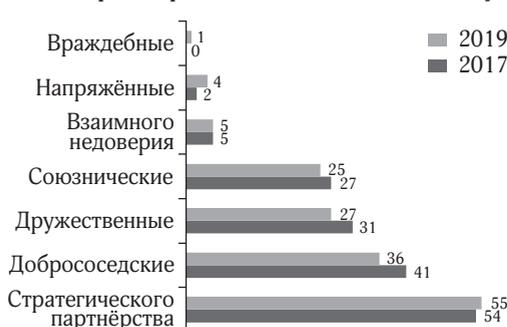

Рис. 8. Оценка качественного состояния российско-китайских отношений (2017, 2019 гг., в процентах от числа опрошенных, возможно несколько ответов)

плохими перспективы отношений РФ с единственной сверхдержавой считает чуть ли не в два раза меньше опрошенных (по сравнению с числом тех, кто даёт эту характеристику современному диалогу Москвы и Вашингтона); а уверенных в *хороших* перспективах отношений с Японией в два раза больше, чем убеждённых, что они таковы уже сегодня (рис. 9).

оптимистично, что вполне закономерно, если исходить из внешнеполитической риторики Москвы последних десятилетий, жители региона оценивают отношения с Китаем. В ходе исследования 2019 г. более половины респондентов (54%) признали нынешние российско-китайские отношения *хорошими*, треть (33%) — *удовлетворительными* и только 3% — *плохими* (рис. 7).

В это же время отношения нашей страны с Японией *хорошими* назвали только 14%; 57% видят их *удовлетворительными*, а *плохими* — 12%. А вот отношения РФ с США *плохими* счита-

ют мизерное число (1%) — *враждебными*. При этом результаты исследований 2017 и 2019 гг. по этой позиции, если учитывать статистическую погрешность, практически совпадают (рис. 8).

Оценка будущих отношений России с указанными странами, по сути, является проекцией мнения респондентов о современной ситуации, причём их взгляды приправлены изрядной долей оптимизма, особенно касательно США. По крайней мере,

Весьма наглядно сопоставление оценок возможных в будущем отношений РФ с важнейшими для Тихоокеанской России странами мира, которые давали жители региона в течение последних трёх десятилетий (рис. 10). На фоне положительной динамики прогнозов относительно развития российско-китайских связей особенно ярко высвечивается растущий скептицизм по поводу диалога между Москвой и Вашингтоном, как и более осторожные оценки перспектив отношений РФ с Японией и Южной Кореей.

Оценка респондентами современного состояния и перспектив отношений с тем или иным государством мира, безусловно, определяет их реакцию на следующий вопрос анкеты: *С какими странами и районами мира следует развивать отношения Вашей территории?* В этой позиции Китай сегодня захватил и удерживает лидерство среди зарубежных государств и делит первое-второе место с *сибирскими и дальневосточными территориями*. В 2019 г. за первоочередное развитие отношений с КНР высказались 48% опрошенных. Заметно отстают в этом плане Япония (35%) и Южная Корея (24%). Далеко в арьергарде оказались европейские государства (12%), США (7%) и Австралия (4%).

Порядок приоритетов респондентов в 2019 г. на 90% совпадает с тем, что продемонстрировали результаты опроса 2017 г. (рис. 11). Единственное

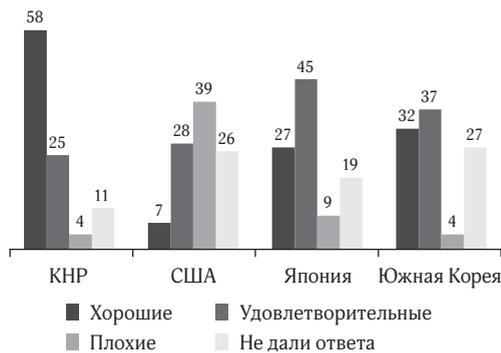

Рис. 9. Оценка перспектив отношений России со странами АТР (2019 г., в процентах от числа опрошенных)

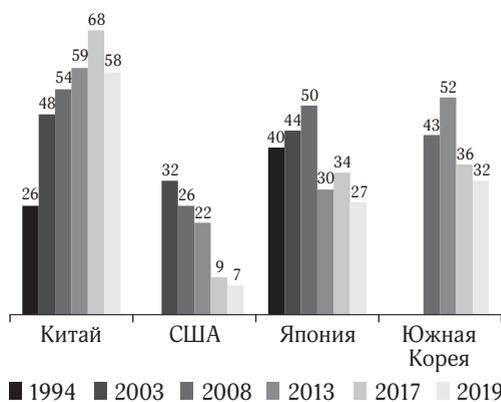

Рис. 10. Доля респондентов, оценивавших перспективы отношений России со странами АТР как «хорошие» (1994–2019 гг., в процентах от числа опрошенных)

Рис. 11. Приоритетные страны и территории для развития отношений (2017, 2019 гг., в процентах от числа опрошенных, возможно не более 3 ответов)

существенное отличие — позиции Японии и Южной Кореи, за развитие отношений с которыми в российско-китайском приграничье высказались на 8—9% меньше респондентов, чем на территориях тихоокеанского побережья. Это вполне объяснимо: экономические и гуманитарные связи последних с данными странами значительно глубже и шире, чем у пограничных с КНР краёв и областей. Например, в 2018 г. в общем объёме внешней торговли Сахалина и Камчатки на долю Южной Кореи приходилось 45,7 и 32,5%, тогда как у Забайкальского края этот показатель составил 1,2%, а у Еврейской автономной области — только 0,3%⁵.

Но вот в отношении Китая эта взаимосвязь не работает. Насколько слабо коррелируются масштабы экономического сотрудничества той или иной территории с выбором их респондентами приоритетных стран для развития экономических отношений, показывает табл. 5. КНР занимает первую позицию во Владивостоке, Благовещенске (по 56%) и Биробиджане (57%), вторую — после сибирских и дальневосточных территорий — в Хабаровске, Чите (по 46%) и Улан-Удэ (35%) и только третью-четвертую — вместе с Европейскими областями России (32%) — в Дальнереченске, уступив ещё и Японии.

Таблица 5

Взаимосвязь экономической зависимости территории от соседних стран и предпочтений респондентов в выборе приоритетного государства для развития отношений (опросы 2017, 2019 гг., по территориям, в процентах; статистические данные за 2018 г.)⁵

Территория	КНР		Япония		РК	
	Доля в торговле территории	Приоритет для связей	Доля в торговле территории	Приоритет для связей	Доля в торговле территории	Приоритет для связей
Биробиджан	94,7	57	3,6	37	0,3	21
Чита	91,7	46	1,6	26	1,2	12
Благовещенск	83,5	56	0,5	41	0,8	22
Хабаровск	59,9	46	7,4	36	15,8	30
Владивосток (2019)	53,0	56	9,6	46	17,9	33
Камчатка	40,3	43	19,4	46	32,5	23
Улан-Удэ	39,3	35	18,8	24	13,2	21
Сахалин	11,9	40	32,9	49	45,7	33
Магадан	7,8	48	10,1	35	21,0	19

Незначительные отличия в выборе приоритетных направлений для сотрудничества своих территорий обнаруживаются по гендерному, возрастному и образовательному уровню респондентов. Если у мужчин на первом месте стоит Китай, а на втором — сибирские и дальневосточные

⁵ Подсчитано на основе таможенной статистики Дальневосточного таможенного управления: <http://dvtu.customs.ru/> (дата обращения: 25.01.2020).

территории (50 и 43% соответственно), то у женщин всё наоборот: главным приоритетом являются Сибирь и Дальний Восток, а Китай занимает вторую позицию (50 и 46%). Максимальный настрой на сотрудничество с КНР наблюдается у руководителей (61%)⁶, минимальный — у домохозяйек (27%), лиц в возрасте до 20 (38%) и от 41 до 50 лет (40%), а также у респондентов со средним специальным образованием (35%). У последних, а также у 40-летних на первом месте оказались *сибирские и дальневосточные территории* (52 и 45%), а у молодёжи — Япония (43%).

Любопытно сравнить полученные нами результаты с данными по России. Это позволяют сделать результаты опроса фонда «Общественное мнение», проведённого в апреле 2018 г. В этом исследовании вопрос был сформулирован несколько иначе: *Как Вы считаете, сотрудничество с какими из этих стран сейчас важнее всего для российской экономики?* Но результаты получились аналогичными: в среднем по стране Китай оказался на первом месте с 48,3%, заметно обойдя Белоруссию (26,4%), Германию (23,1%) и другие государства. При этом мужчины значительно активнее ратовали за Китай, чем женщины (55,5 и 42,1%), а в Сибири за КНР высказались 63% респондентов [15].

В анкете 2019 г. общий вопрос к дальневосточникам о странах, которые они считают приоритетными для сотрудничества, подкреплялся прямым вопросом, целью которого было выяснить, как относятся жители российского приграничья к усилению взаимодействия с КНР. Формулировался он следующим образом: *Согласны ли Вы с тем, что в период активного развития Дальнего Востока Россия должна укреплять сотрудничество с Китаем?* Более половины респондентов (55%) согласились с этой посылкой, но с оговоркой: сотрудничество надо развивать *с осторожностью*. Без каких-либо условий эту позицию приняла четвертая часть (25%) опрошенных. Против высказались 13%, которые опасаются, что это *приведёт к опасному укреплению позиций Китая на Дальнем Востоке*.

Одной из активно пропагандируемых Кремлём форм сотрудничества с КНР является привлечение китайских капиталов для развития экономики Сибири и Дальнего Востока⁷. Однако жители Тихоокеанской России воспринимают приход этих денег с осторожным оптимизмом. Однозначно поддерживает привлечение инвестиций КНР в свой регион только треть респондентов (33%). Почти столько же (32%) высказывают опасение, а 13% выступают категорически против.

Сопоставление результатов опросов 2017 и 2019 гг. показывает, что отношение населения ДФО к инвестициям из КНР не зависит от географического положения территории. В среднем по региону против китайских капиталов однозначно настроены 11–13%. Каждый пятый житель притихоокеанских территорий (19%) и каждый третий из приграничных с Китаем городов (32%) воспринимает их приход с опасением (рис. 12).

⁶ Эту же тенденцию мы отметили по итогам опроса 2017 г.

⁷ На эту тему регулярно высказывались вице-премьер российского правительства Ю. Трутнев и глава Минвостокразвития А. Козлов [см.: 3; 18; 20].

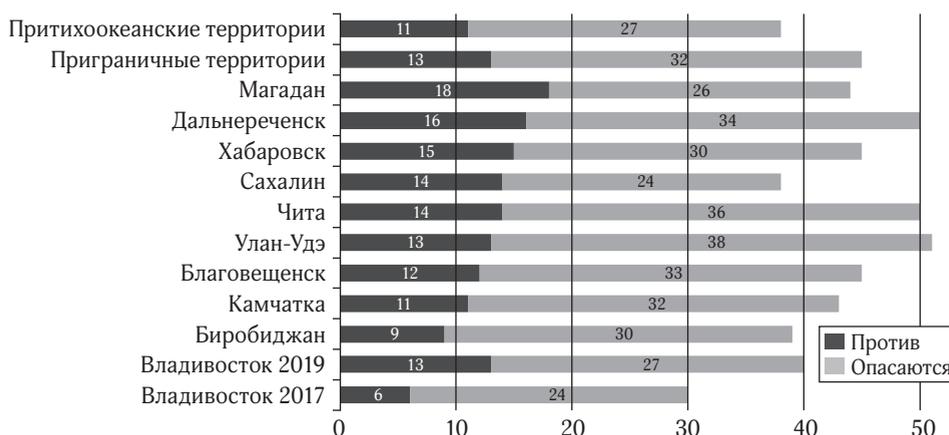

Рис. 12. Настороженное и отрицательное отношение к китайским инвестициям (2017 и 2019 гг., в процентах от числа опрошенных)

Фактически выясняется, что на приграничных территориях с КНР отношение к её инвестициям более настороженное, чем в отдалённых от неё районах ДФО. Обращает на себя внимание рост такой настороженности во Владивостоке, произошедший за последние два года: с 30 до 40%.

С большой вероятностью можно предположить, что на изменении мнений жителей Владивостока, как и на результатах ответов на этот вопрос в 2019 г., сказалась серия публикаций в СМИ и телевизионных передач, формирующая негативное представление россиян о последствиях прихода китайских инвестиций в РФ (и не только). В частности, в марте 2019 г. СМИ и социальные сети захлестнула волна возмущённых статей по поводу строительства завода по разливу байкальской воды с нарушениями природоохранного законодательства. Как писали по этому поводу эксперты, «в скандале слились сразу несколько фобий: потенциальное превращение Сибири в сырьевой придаток Китая, возможное загрязнение Байкала и опасение того, что из озера выкачают всю воду» [1]. Не менее красочно СМИ расписывали негативные последствия китайских инвестиций в Западной Европе, Беларуси и Африке, формируя тем самым определённое отношение россиян к возможному приходу капиталов из КНР.

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ ИНТЕРЕСАМ И БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Иной угол зрения, под которым жители Тихоокеанской России воспринимают страны региона, связан с проблемами безопасности. Тема вызовов и угроз интересам РФ на Тихом океане, в том числе её восточным районам, предлагалась в ходе опросов в разных проекциях, с большей или меньшей степенью абстракции и конкретизации, что позволяет достаточно объективно оценивать полученные результаты.

Самый простой и прямой вопрос в анкетах 2017 и 2019 гг. был сформулирован следующим образом: *Какие факторы порождают главные*

Рис. 13. Главные угрозы безопасности России и её дальневосточным территориям на Тихом океане (2017, 2019 гг., в процентах от числа опрошенных, возможно не более 3 ответов)

угрозы безопасности России и её дальневосточным территориям на Тихом океане? Ответы на него представлены на рис. 13.

Анализируя ответы и сравнивая их с результатами исследования 2017 г., важно учитывать не только место проживания опрашиваемых, но и принципиальные изменения в «весе» и порядке ранжирования угроз, произошедшие в последние два года и рельефно отразившиеся на взглядах респондентов Тихоокеанской России. Прежде всего, это кардинальное улучшение обстановки на Корейском полуострове. Саммиты Трамп — Ким Чен Ын, даже не принеся каких-то конкретных результатов, заметно снизили градус напряжённости и как минимум отодвинули угрозу военного конфликта на близкой к России территории. В результате вес «конфликта на Корейском полуострове» существенно сократился в общем пакете угроз безопасности РФ (с 33% в 2017 г. до 12% в 2019 г.). Притупилась и острота проблемы международного терроризма (с 35 до 16%), и даже политику США жители Тихоокеанской России стали воспринимать чуть сдержаннее (вес этой угрозы снизился с 47 до 42%). Одновременно выход США из договора по РСМД актуализировал тему распространения ядерного оружия (увеличение с 21 до 28%). Эти факторы перефокусировали внимание респондентов на иные опасности, в результате «вес» других угроз стал больше. В частности, вопреки отсутствию каких-либо политических поводов и продолжению российско-японского диалога, с 19 до 28% выросла значимость проблемы Курильских островов. Невзирая на высокий уровень симпатий дальневосточников к Японии, территориальный спор продолжает омрачать двусторонние отношения не только с японской, но и с российской стороны границы.

На этом фоне увеличение на 4% доли респондентов (с 17 до 21%), рассматривающих *рост экономической и военной мощи Китая* в качестве угрозы интересам России, стоит оценивать как допустимую погрешность. Очевидно, что подавляющее большинство опрашиваемых

не воспринимает КНР как серьёзный вызов интересам РФ в регионе. Однако у пятой части дальневосточников это представление укрепилось в сознании достаточно прочно. С одной стороны, играет свою роль определённая инерция мышления обывателей, на которую не влияют никакие декларации о «самых лучших в истории российско-китайских отношениях». С другой стороны, ложку дёгтя регулярно вносит «жёлтая пресса», повышающая свой рейтинг посредством вброса в информационное пространство различных страшилок, в том числе по поводу «китайской угрозы»⁸.

Наша попытка вычленить три главных «угрозы» для каждой из территорий дала весьма любопытную картину (табл. 6).

Очевидно, что для жителей российско-китайского приграничья главными и чуть ли не равновеликими угрозами оказываются политика РФ в отношении своих восточных территорий (в анкете это сформулировано в весьма мягкой форме, как *недостаточный учёт интересов ДВ территорий федеральной властью*) и действия Вашингтона по отношению к России. Причём в четырёх городах политика Кремля представляется даже большей угрозой, чем санкции и давление со стороны Белого дома.

Есть и некоторые нюансы в оценке «китайской угрозы». Более всего *увеличения китайской мощи* опасаются в Чите и Владивостоке (27 и 25%), в наименьшей степени — в Дальнереченске и Благовещенске (11 и 14%). В приграничных районах эта «угроза» практически одинаково (в пределах статистической погрешности) воспринимается мужчинами и женщинами (23 и 20%), респондентами разных возрастов и занятий, что отличает регион от притихоокеанских территорий, где мужчины озабочены *ростом экономической и военной мощи Китая* в заметно большей степени, чем женщины (21 и 14%).

Для сравнения отметим, что *возрастания мощи КНР* на близких к этой стране территориях ДФО опасаются меньше, чем в Сибири и европейской части РФ. По данным фонда «Общественное мнение», 26,5% россиян считают, что усиление Китая угрожает интересам их страны. При этом данное мнение разделяют без малого 34% москвичей и 31,5% сибиряков [16].

Тем не менее ответы на следующий, прямо поставленный вопрос о наличии угроз РФ от КНР (*Если вы полагаете, что существуют угрозы России со стороны Китая, то о каких угрозах идёт речь?*) позволяют утверждать, что как минимум половина респондентов смотрит на Китай с опасением (рис. 14). При этом *территориальная угроза*, исходящая

⁸ «Главной угрозой безопасности России является не НАТО, а Китай, чьи ракеты — даже средней и меньшей дальности — покрывают большую часть российской территории, а Сибирь — целиком», — пугал информационный портал «Ридус» в марте 2019 г.: <https://www.ridus.ru/news/294233> (дата обращения: 15.01.2020). «Если кто и угрожает национальной идентичности, территориальной целостности и сохранению России в её нынешнем виде, так это Китай», — сообщало другое интернет-издание: <https://spektr.press/kitaizaciya-rossii-pochemu-geopolitika-i-ekonomika-putina-neizbezhno-prevraschayut-nas-v-vassalov-podnebesnoj/> (дата обращения: 15.01.2020).

Таблица 6

Главные «угрозы» безопасности территорий ДФО (по значимости угроз и в процентах от числа опрошенных по территории)

Территория	Угроза № 1		Угроза № 2		Угроза № 3	
	Характер угрозы	%	Характер угрозы	%	Характер угрозы	%
Благовещенск	Недостаточный учёт интересов ДВ территорий федеральной властью	51	Политика США	44	Рост числа мигрантов из соседних государств	30
Биробиджан	Политика США	41	Недостаточный учёт интересов ДВ территорий федеральной властью	39	Рост числа мигрантов из соседних государств	36
Владивосток 2019	Политика США	52	Недостаточный учёт интересов ДВ территорий федеральной властью	43	Спор из-за Курильских островов с Японией	29
Владивосток 2017	Политика США	44	Конфликт на Корейском полуострове	42	Недостаточный учёт интересов ДВ территорий федеральной властью	38
Хабаровск	Недостаточный учёт интересов ДВ территорий федеральной властью	53	Политика США	43	Рост числа мигрантов из соседних государств	31
Чита	Недостаточный учёт интересов ДВ территорий федеральной властью	39	Распространение ядерного оружия	36	Политика США	34
Улан-Удэ	Недостаточный учёт интересов ДВ территорий федеральной властью	38	Политика США	34	Спор из-за Курильских островов с Японией	34
Дальнереченск	Распространение ядерного оружия	41	Политика США	36	Недостаточный учёт интересов ДВ территорий федеральной властью	32
Камчатка	Политика США	51	Недостаточный учёт интересов ДВ территорий федеральной властью	37	Конфликт на Корейском полуострове	34
Сахалин	Политика США	50	Международный терроризм	45	Рост числа мигрантов из соседних государств	32
Магадан	Политика США	47	Недостаточный учёт интересов ДВ территорий федеральной властью	43	Международный терроризм	35

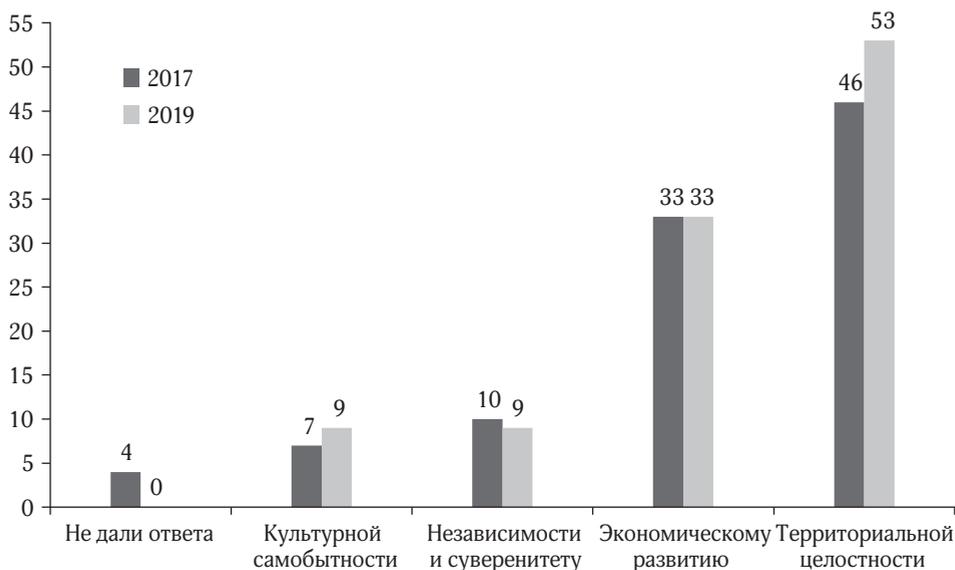

Рис. 14. Угрозы России со стороны Китая (2017, 2019 гг., в процентах от числа опрошенных, количество ответов не ограничено)

от этого государства, по-прежнему считается самой реальной. В пограничных с КНР районах процент уверенных в существовании угрозы территориальной целостности России выше, чем в отдалённых от неё краях и областях региона (53 против 46%). Если рассмотреть особенности распределения ответов по городам, то в посягательстве на целостность РФ китайцев подозревают более половины респондентов Читы, Благовещенска, Хабаровска, Биробиджана и Дальнереченска (62, 56, 55, 52 и 52% соответственно), чуть менее половины жителей Владивостока и Улан-Удэ (48 и 45%).

Наконец, последний вопрос из этого раздела имел целью идентифицировать содержание той самой «китайской экспансии», о которой речь шла выше. Среди вариантов респондентам были предложены на выбор: *экономическая, демографическая, территориальная, политическая и культурная* «экспансии» КНР. Оказалось, что в наличии первых трёх форм убеждены от 15 до 24%, тогда как две последние на Дальнем Востоке смогли разглядеть только 2–3% (рис. 15).

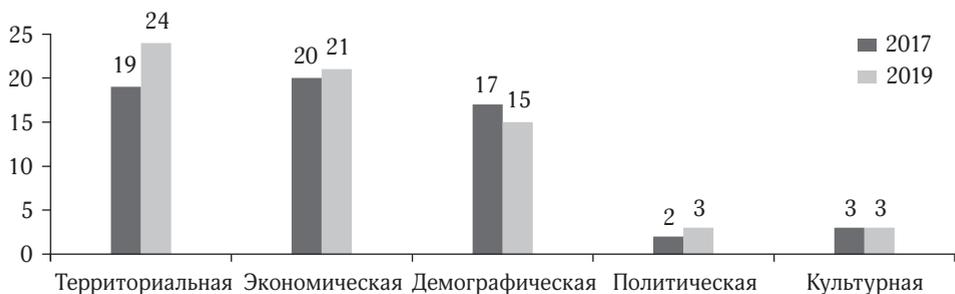

Рис. 15. Идентификация характера «китайской экспансии» в России (2017, 2019 гг., в процентах от числа опрошенных)

Таким образом, часть исследования, посвящённая теме безопасности, позволяет утверждать, что бациллой «китайской угрозы» заражена приблизительно пятая часть населения ДФО. При этом более трети (37%) уверены, что «китайская экспансия» на Дальнем Востоке идёт полным ходом, и более половины (53%) предполагают существование угрозы территориальной целостности РФ со стороны КНР, явно имея в виду историческое прошлое наших отношений и витающие в китайском обществе идеи о возвращении «несправедливо захваченных царской Россией у Цинского Китая территорий». Однако значительная часть жителей региона — от 40 до 50% по разным субъектам федерации — не имеет по этому поводу твёрдо сформировавшегося мнения и легко может стать объектом пропагандистского воздействия как положительного, так и отрицательного свойства.

А демографический ракурс «угрозы» позволяет нам плавно перейти к теме пребывания представителей стран Восточной Азии на восточных окраинах России и реакции местного населения на это присутствие.

ПРИСУТСТВИЕ ЖИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ НА ТЕРРИТОРИИ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ

В последнее десятилетие XX в., когда был разрушен железный занавес вокруг СССР и начался активный экономический и гуманитарный обмен между Дальним Востоком и соседними странами и территориями Восточной Азии и Северной Пацифики, рабочие, предприниматели, торговцы, студенты, туристы из этих государств стали обыденным компонентом экономической, общественной и культурной жизни восточных районов России. Местное сообщество явно не было готово к такому развитию событий, и не удивительно, что в нём возродились застарелые и появились новые предубеждения и фобии в отношении азиатских мигрантов. Время от времени они трансформировались в откровенно агрессивное поведение националистически настроенных российских граждан и сообществ, направленное, прежде всего, против китайцев, составлявших большинство приезжих, хотя жертвами становились и японцы, и корейцы, и вьетнамцы, и граждане других азиатских государств. В основе неприятия лежали как экономико-демографические, так и этнокультурные факторы: осознание глубины отличий собственных культурных традиций от тех, что находятся извне [см.: 2, с. 133—139; 4, с. 148—155; 6, с. 115—126; 14, с. 124—171; 21].

Опросы населения региона, проводившиеся в 90-е гг. XX — начале XXI в. как лабораторией изучения общественного мнения ИИАЭ ДВО РАН, так и другими исследовательскими центрами России и Дальнего Востока, показывали, что в глазах местного населения «увеличение численности мигрантов из соседних государств» воспринималось как одна из главных угроз безопасности РФ на Тихом океане [10, с. 80]. Однако уже в начале

второго десятилетия XXI в. тема «китайской демографической экспансии» по причине её политической неактуальности — вымывания с российских рынков китайских торговцев, сокращения численности рабочих из КНР и устранения такого явления, как нелегальная китайская трудовая миграция в РФ, — практически исчезла из российского информационного пространства и перестала интересовать исследователей.

Вследствие этого потеряла свою свежесть и тема зарубежной миграции: её рост, согласно последним исследованиям, считают угрозой 24% респондентов, проживающих на территориях вдоль тихоокеанского побережья России (опрос 2017 г.), и 25% — по линии российско-китайской границы (опрос 2019 г.). Опрос 2018 г. показал, что обозначенная проблема, если брать её как абстрактное явление, стала для владивостокцев ещё менее актуальной: только 13% отметили её в ответе на вопрос *Какие проблемы современности волнуют Вас более всего?* Жителей Южно-Сахалинска она тревожит в несколько большей степени (20%), но в обоих городах зарубежная миграция оказалась на предпоследнем, восьмом, месте среди девяти предложенных в анкете угроз. Самой низкой по значимости (10% во Владивостоке и 13% на Сахалине) респонденты считают проблему межнациональных отношений. У жителей Хабаровска эти две проблемы также стоят на последнем месте по важности, хотя и в другом порядке. Всё это свидетельствует о невысокой степени остроты данного вопроса в регионе.

При этом дальневосточники неодинаково воспринимают присутствие в РФ разных социальных групп восточноазиатов. С наибольшим опасением они относятся к пребыванию китайских предпринимателей и рабочих, в которых видят конкурентов на рынке труда и капиталов. Кроме того, в регионе высвечивается небольшая по численности, но вполне реальная

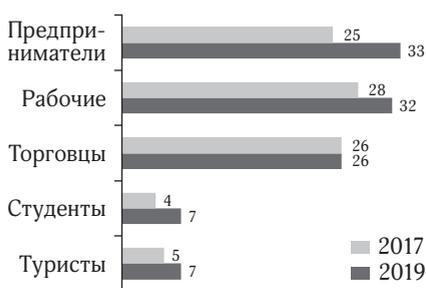

Рис. 16. Отрицательное отношение к пребыванию китайцев в России (2017 и 2019 гг., в процентах от числа опрошенных)

группа китаефобов, представители которой вообще не желают видеть китайцев на российской территории, отказывая в праве на это даже туристам и студентам из КНР (рис. 16).

Поскольку временные рабочие, торговцы и предприниматели из стран Восточной Азии по-прежнему ассоциируются у жителей Дальнего Востока прежде всего с КНР, то и как главный источник угроз они рассматривают именно эту страну. Практически равное количество респондентов во Вла-

дивостоке и на Сахалине (47 и 48%), опрошенных в 2018 г., считают, что рост численности китайцев на Дальнем Востоке в той или степени представляет угрозу безопасности РФ. Угроза корейского и японского присутствия кажется им чуть менее значимой (рис. 17).

Аналогичным образом жители этих городов воспринимают идею предоставления российского гражданства жителям Восточной и Центральной

Рис. 17. Доля респондентов, которые видят угрозу в увеличении числа граждан иностранных государств на Дальнем Востоке (2018 г., в процентах от числа опрошенных)

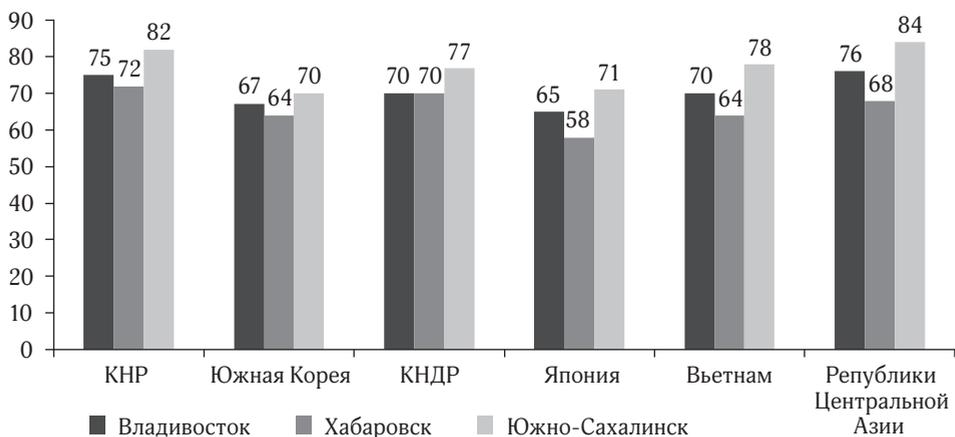

Рис. 18. Доля респондентов, которые считают нецелесообразным предоставлять российское гражданство жителям Восточной и Центральной Азии (2018 г., в процентах от числа опрошенных)

Азии. Китайцам отказали в праве на гражданство РФ три четверти (72 и 75%) респондентов в Хабаровске и Владивостоке и 82% — в Южно-Сахалинске. К другим представителям азиатских диаспор было выявлено не менее жёсткое отношение (рис. 18).

Если подозрительность к китайскому присутствию на Дальнем Востоке легко объясняется историей китайской миграции в России конца ХХ — первого десятилетия XXI в., активной антикитайской риторикой отечественных СМИ и обладает серьёзными геополитическими основаниями, то отторжение японцев, корейцев и вьетнамцев требует специального изучения. Похоже, что расовые предрассудки, исторические и этнокультурные фобии имеют в регионе значительно более глубокие корни, чем это представлялось ранее.

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧИТЕЛИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Попробуем для начала поискать объяснение данного феномена в общем эмоциональном восприятии соседних народов. Для этого в анкете 2018 г. были предложены два вопроса: *Ощущаете ли Вы иногда своё превосходство над китайцами, корейцами, японцами и вьетнамцами?* и *Возникает ли у Вас чувство отторжения при общении с ними?*

Очевидно, что подавляющее большинство никогда открыто не признается в наличии подобных чувств и ощущений. Не удивительно, что около двух третей выдали категоричное «нет» на оба вопроса. От 20 до 30% респондентов по разным территориям «спрятались» за абстрактным «не задумывался». Но всё же от 8 до 12% жителей городов откровенно признались, что испытывают чувство превосходства над китайцами, от 8 до 12% — над вьетнамцами, 7—8% — над корейцами и 5—7% — над японцами (рис. 19).

В ходе исследований 2017 и 2019 гг. этот же вопрос формулировался только в отношении китайцев. И тогда были получены аналогичные ответы.

Рис. 19. Респонденты, которые ощущают чувство превосходства над народами Восточной Азии (2018 г., по городам, в процентах от числа опрошенных)

Рис. 20. Респонденты, которые испытывают чувство отторжения при общении с представителями стран Восточной Азии (2018 г., по городам, в процентах от числа опрошенных)

В первом случае 17%, а во втором — 9% признались в наличии подобного чувства. Около половины респондентов (47% в 2017 г. и 51% в 2019 г.) заявили, что не испытывали таких ощущений. Соответственно, 36 и 40% не задумывались об этом.

Аналогичная и даже более резкая картина наблюдается в ответах на вопрос о чувстве отторжения. Сильнее всего оно проявляется к китайцам, в наименьшей степени — к японцам. Причём во всех случаях наименее толерантным городом выглядит Владивосток (рис. 20). В 2017 г. в наличии у них чувства отторжения в отношении китайцев признались 15% опрошенных, в 2019 г. эта цифра уменьшилась до 11%. Около двух третей респондентов (64% в 2017 г. и 65% в 2019 г.) данного чувства не испытывают. Остальные сообщили, что об этом просто не задумывались.

По сравнению с началом XXI в. в области чувственного восприятия иностранцев заметны очевидные положительные тенденции. В 2003 и 2008 гг. в существовании у них ощущения превосходства над китайцами признались 29 и 28% респондентов. Отторжение при общении с китайцами испытывал каждый третий опрошенный (34%) в 2003 г. и 29% в 2008 г. [8, с. 139]. Тем не менее ответы на эту серию вопросов и сопоставление их с данными о доле населения, которая вообще выступает против присутствия представителей Восточной Азии на территории России, дают основание предположить, что не менее 10% жителей ДФО подвержены националистическим предрассудкам.

Однако ответы на следующий вопрос анкеты — об отношении к бракам с иностранцами — заставляют практически удвоить эту цифру. В 2019 г. 13% респондентов признались, что отнеслись бы к браку своих родственников с жителями Европейского союза отрицательно; 19% придерживаются той же позиции в отношении возможного брака их родственников с гражданами США; 21% — Японии; 22% — Южной Кореи; 27% — КНР; 34% — республик Кавказа.

В 2018 г. вопрос об отношении к межнациональным бракам был сформулирован в общем, безотносительно к национальности. Но и тогда около трети опрошенных жителей Приморья и Сахалина (32—33%) и четверть (25%) респондентов в Хабаровске выразили отрицательное отношение к таким союзам в принципе.

Исследования также позволяют выявить главный культурно-психологический раздражитель, который вызывает у жителей Тихоокеанской России подсознательное неприятие своих соседей по региону. Он возникает, прежде всего, на основе понимания их культурной непохожести. В ходе опроса 2018 г. лишь пятая часть населения (22 и 23% во Владивостоке и Хабаровске и 16% в Южно-Сахалинске) заявила, что не чувствует никаких препятствий для понимания иностранцев и сближения с ними. Две трети опрошенных (61% в Хабаровске, 63% во Владивостоке и 66% в Южно-Сахалинске) закономерно полагают, что такой преградой является незнание языка. Культурно-цивилизационный фактор — «манеры поведения» иностранцев и «различия в культуре» — сдерживающий барьер для каждого пятого жителя во Владивостоке (21—22%), каждого четвертого (24—28%) в Хабаровске и каждого третьего (30—34%) на Сахалине [9, с. 118].

Заметнее всего данный факт проявляется в наделении соседей теми типологическими чертами характера, которых самим россиянам недостаёт. В анкетах 2017 и 2019 гг., как и в более ранних исследованиях, респондентов просили отметить наиболее важные, с их точки зрения, и типологические черты не только жителей близлежащих государств, но и свои собственные. Результаты обоих опросов, как и ранее, свидетельствуют, что азиатские соседи представляются дальневосточникам преимущественно в позитивном ключе. Китайцев они считают в первую очередь *трудолюбивыми* (64% в 2017 г. и 58% в 2019 г.), *предприимчивыми* (52 и 43%)

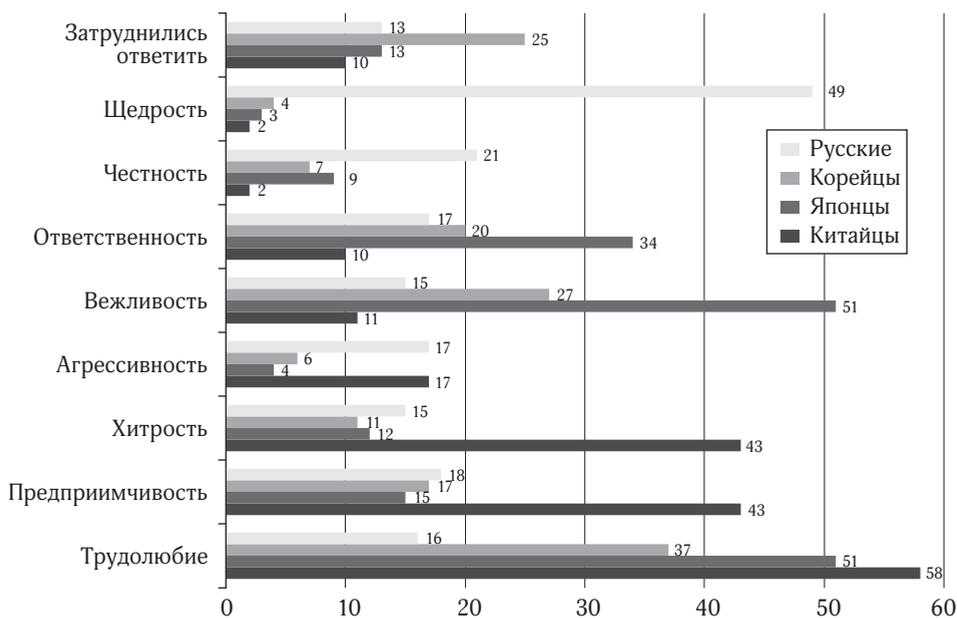

Рис. 21. Типологические черты народов Восточной Азии и русских в представлении жителей приграничных с Китаем территорий (2019 г., в процентах от числа опрошенных)

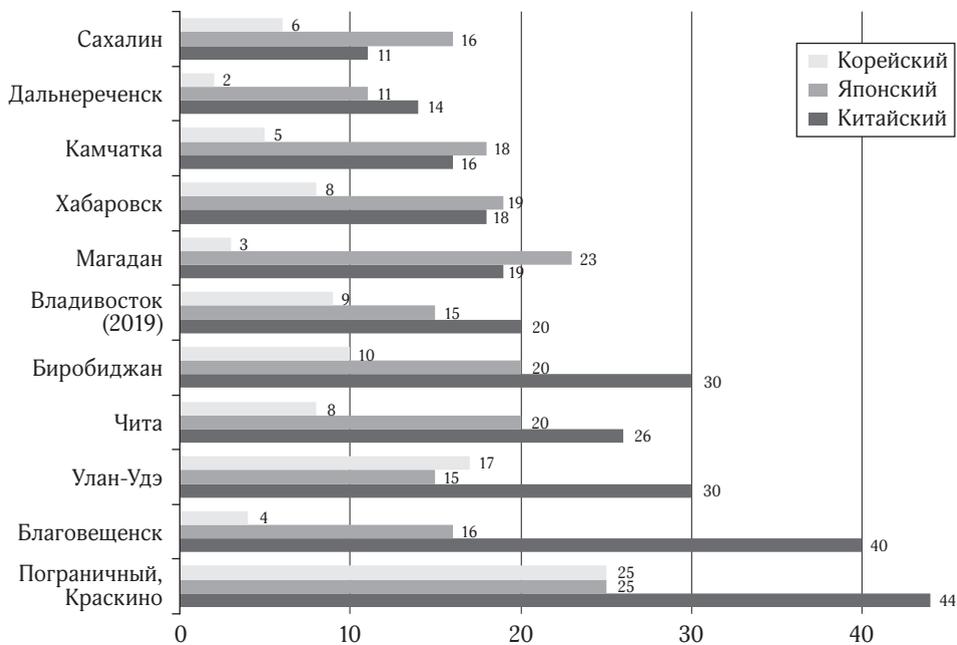

Рис. 22. Респонденты, выразившие желание изучать восточные языки (2017, 2019 гг., в процентах от числа опрошенных)

и *хитрыми* (39 и 43%)⁹. Японцев видят, прежде всего, *вежливыми* (62 и 51%), *трудолюбивыми* (53 и 51%) и *ответственными* (38 и 34%). Корейцев — *трудолюбивыми* (43 и 37%), *вежливыми* (28 и 27%) и *предприимчивыми* (23 и 17%) (рис. 21). Русских дальневосточники видят *щедрыми* и *честными*, только по этим двум качествам они опережают другие народы. Но приходится констатировать, что присутствующее у россиян понимание различий в национальном характере трансформируется в водораздел по линии «мы — они» и является одним из главных препятствий для успешного межкультурного взаимодействия.

Другое серьёзное препятствие для активной межкультурной коммуникации — незнание языка. Исходя из ответов респондентов, можно предположить, что английским в той или иной степени владеет приблизительно треть населения региона (35%), тогда как китайским — всего лишь 3%, а японским и корейским — по 1%. Уровень «владения», безусловно, сильно разнится: от знания нескольких фраз до свободного разговорного языка и знания иероглифики. Но он практически одинаков по всем территориям Тихоокеанской России.

Немало жителей региона выражает желание преодолеть данное препятствие. При этом каждый четвёртый опрошенный (26%) был бы рад *изучить китайский язык*. Чуть меньше желающих знать японский (17%), корейский хотят выучить 9% (рис. 22). При этом более всего (44%) дальневосточников всё же интересуется знание английского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Адекватно ли восприятие стран Восточной Азии и населяющих их народов жителями Тихоокеанской России тому, что представляют собой эти государства и какими являются их жители? Совершенно очевидно, что сформировавшиеся в их сознании образы во многом ограничены и противоречивы, как противоречива сама российская действительность начала XXI в. Перефразируя К. Маккераса¹⁰, можно утверждать, что эти образы и особенно их трансформация являются продуктом серьёзных изменений, которые переживают сегодня как сами страны региона, так и российская действительность, в том числе изменения масштабов, характера и качества экономических, политических и гуманитарных связей РФ и её граждан с этими странами.

Иррациональным феноменом остаётся лидирующее положение Японии среди самых симпатичных для жителей Тихоокеанской России государств мира. Но остальные четыре азиатские страны, отношение к которым респондентам было предложено выразить, оказались в нижней части списка, уступив даже США, которые сегодня представляются российскими СМИ чуть ли

⁹ Эти же черты доминировали в представлениях дальневосточников о китайцах, выявленных в ходе опросов 1997–2008 гг., см.: [8, с. 137].

¹⁰ Оценивая источники формирования образов «Поднебесной» в европейском сознании, К. Маккерас констатировал, что «западные взгляды на Китай так же зависят от Запада, как и от Китая» [22, р. 177].

не исчадием зла и в хорошие перспективы отношений с которыми не верит подавляющее большинство дальневосточников. Рост уровня симпатий к КНР, констатируемый нами с начала нового века, к концу второго десятилетия за мер. Можно предположить, что этот факт в какой-то степени связан с резким упадком и стагнацией российско-китайских экономических связей в последние 5 лет. Так что жители Тихоокеанской России остаются сознательно и подсознательно европейски ориентированными, хотя прагматические соображения — понимание безальтернативности экономических связей с Китаем, Японией и Южной Кореей — сказываются на выборе партнёров для сотрудничества, при этом главным из них однозначно именуется КНР.

Столь же прагматично большинство жителей региона относится к вопросам обеспечения безопасности, обнаруживая главные угрозы интересам своей страны, а значит, и собственным, не в экономическом и политическом подъёме Китая, территориальном споре с Японией или международной миграции, а в безрассудной международной политике США, потенциальной войне на Корейском полуострове и действиях собственного правительства.

Это не означает, что фантом «китайской угрозы» растворился. Он просто сжался на фоне других, более актуальных и реальных угроз и вызовов. В регионе немало людей, которые по-прежнему убеждены в намерении Пекина вернуть «утраченные территории», в его сознательной экономической и демографической экспансии в Сибири и на Дальнем Востоке, а потому выступают против китайских инвестиций и присутствия в России китайских рабочих, предпринимателей, торговцев и даже студентов. Существует и небольшой, но стабильный сегмент населения, который вообще против присутствия азиатских этносов в РФ.

Китайские эксперты, внимательно отслеживающие эволюцию взглядов россиян в отношении КНР, констатируют их положительную динамику, признают сложность и противоречивость данных взглядов, пытаются объяснить наличие негативных элементов в сознании граждан РФ глубоко укоренившимися у них идеями великодержавия и мессианства, имперским мышлением, которые «естественным образом формируют у россиян чувство собственного превосходства». По мнению исследователей из КНР, именно этот «узкий национализм часто вызывает у россиян сильную ксенофобию и иррациональные эмоциональные суждения» [23, с. 43—44].

Опросы показывают, что корень проблемы не в этом. Не более 10—15% жителей региона признаются, что испытывают чувство отторжения азиатских этносов или превосходства над ними. Конечно, присутствие элементов мессианства и великодержавия в менталитете россиян, как, впрочем, и китайцев, полностью исключать нельзя. Однако главные причины кроются всё же в осознании жителями региона того, насколько отличаются их собственные культурные традиции от тех, что находятся и приходят извне — из Китая, Японии, Юго-Восточной и Южной Азии, с Корейского полуострова. Культурно-цивилизационная граница, проходящая по линии «мы — они», постепенно становится тоньше, но при этом никуда не исчезает. Более того, в условиях нарастающего государственного и стихийного национализма и сепаратизма

в мире вообще и в Восточной Азии в частности она может расширяться, причём не с российской стороны. И в наших общих интересах — и РФ, и соседних государств Восточной Азии — сделать всё, чтобы культурно-цивилизационный рубеж не стал вновь рубежом военно-политическим.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Байкал в бутылках. Страх перед Китаем и экологический кризис. URL: <https://tauga.info/146670> (дата обращения: 18.01.2020).
2. Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М.: Муравей, 2004. 203 с.
3. Глава Минвостокразвития рассказал об объёме китайских инвестиций в ДФО. URL: <https://ria.ru/20181226/1548708800.html> (дата обращения: 18.01.2020).
4. Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М.: Наталис, 2000. 190 с.
5. Комиссарова Н. Туристическая магистраль // Дальневосточный капитал. 2019. Май. URL: https://dvkapital.ru/dkproject/primorskij-kraj_21.05.2019_14527_turisticheskaja-magistral.html (дата обращения: 02.09.2019).
6. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
7. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Восточная Азия в общественном мнении Тихоокеанской России (по итогам опроса 2013 г.) // Россия и АТР. 2014. № 2. С. 5—19.
8. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Китай в общественном мнении жителей Тихоокеанской России (по итогам опроса 2017 г.) // Россия и АТР. 2018. № 2. С. 5—33.
9. Ларин В.Л., Ларина Л.Л., Томашук С.М. «Малая Восточная Азия в Тихоокеанской России»: отношение жителей Владивостока, Хабаровска и Южно-Сахалинска к мигрантам из Восточной Азии // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 18. С. 111—121.
10. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX—XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. 312 с.
11. Ларина Л.Л. Япония глазами женщин Тихоокеанской России (по итогам изучения общественного мнения) // Материалы XXXI Российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. С. 59—65.
12. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / под ред. В.А. Колосова. М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2003. 304 с.
13. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. 7 июня 2019 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60707> (дата обращения: 15.06.2019).
14. Понкратова Л.А., Забияко А.П., Кобызов Р.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 412 с.
15. Россия: друзья, враги, отношение в мире. URL: http://fom.ru/Mir/14025?utm_source=digest_weekly_fomru&utm_medium=email&utm_campaign=digest5 (дата обращения: 15.06.2019).
16. Россия и Китай: позиции в мире. URL: <https://fom.ru/Mir/14063> (дата обращения: 18.01.2020).
17. Сведения о количестве жителей Приморского края, выехавших за границу за 2016 год в сравнении с 2015 годом. URL: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/tourism-pk/plany-i-otchet-y-departamenta.php> (дата обращения: 02.09.2019).

18. Состоялась встреча сопредседателей Межправительственной российско-китайской комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона России и Северо-Востока Китая. URL: <http://government.ru/news/36535/> (дата обращения: 18.01.2020).
19. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. чл.-корр. РАН, проф. В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 386 с.
20. Трутнев пригласил Китай к сотрудничеству в российской Арктической зоне. URL: <https://ria.ru/20190426/1553087144.html> (дата обращения: 08.01.2020).
21. Alexseev M.A., Hofstetter R. Russia, China, and the Immigration Security Dilemma // *Political Science Quarterly*. 2006. No. 1. P. 1—32.
22. Mackerras K. China's Values: Western Images and Realities // *中国道路与国家形象 = Путь Китая и образы страны*. Пекин:中国人民大学出版社, 2013. P. 177—186.
23. 徐帼纓. 冷战后中国在俄罗斯民意调查中的形象分析 = Сюй Гоин. Изучение образа Китая в российских опросах общественного мнения после холодной войны. Пекин: 外交学院出版社, 2018. 52 с.

REFERENCES

1. *Baykal v butylkakh. Strakh pered Kitaem i ekologicheskiiy krizis* [Baikal is Full of Bottles. The Fear of China and the Environmental Crisis]. Available at: <https://tayga.info/146670> (accessed 18.01.2020). (In Russ.)
2. Gel'bras V.G. *Rossiya v usloviyakh global'noy kitayskoy migratsii* [Russia in the Context of Global Chinese Migration]. Moscow, Muravey Publ., 2004, 203 p. (In Russ.)
3. *Glava Minvostokrazvitiya rasskazal ob ob"eme kitayskikh investitsiy v DFO* [The Head of the Ministry for the Development of the Far East Spoke about the Volume of Chinese Investments in the Far Eastern Federal District]. Available at: <https://ria.ru/20181226/1548708800.html> (accessed 18.01.2020). (In Russ.)
4. Dyatlov V.I. *Sovremennyye torgovyye men'shinstva: faktor stabil'nosti ili konflikta? (Kitaytsy i kavkaztsy v Irkutske)* [Modern Trade Minorities: A Factor of Stability or Conflict? (Chinese and Caucasians in Irkutsk)]. Moscow, Natalis Publ., 2000, 190 p. (In Russ.)
5. Komissarova N. *Turisticheskaya magistral'* [The Tourist Highway]. *Dal'nevostochnyy kapital*, 2019, May. Available at: https://dvkapital.ru/dkproject/primorskij-kraj_21.05.2019_14527_turisticheskaja-magistral.html (accessed 02.09.2019). (In Russ.)
6. Larin A.G. *Kitayskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'* [Chinese Migrants in Russia. History and Today]. Moscow, Vostochnaya kniga Publ., 2009, 512 p. (In Russ.)
7. Larin V.L., Larina L.L. *Vostochnaya Aziya v obshchestvennom mnenii Tikhookeanskoy Rossii (po itogam oprosa 2013 g.)* [East Asia in Public Opinion of the Inhabitants of Pacific Russia (Based on the 2013 Survey)]. *Rossiya i ATR*, 2014, no. 2, pp. 5—19. (In Russ.)
8. Larin V.L., Larina L.L. *Kitay v obshchestvennom mnenii zhiteley Tikhookeanskoy Rossii (po itogam oprosa 2017 g.)* [China in Public Opinion of the Inhabitants of Pacific Russia (Based on the 2017 Survey)]. *Rossiya i ATR*, 2018, no. 2, pp. 5—33. (In Russ.)
9. Larin V.L., Larina L.L., Tomashuk S.M. "Malaya Vostochnaya Aziya v Tikhookeanskoy Rossii": otnoshenie zhiteley Vladivostoka, Khabarovska i Yuzhno-Sakhalinska k migrantam iz Vostochnoy Azii ["Small East Asia in Pacific Russia": Attitudes of the Inhabitants of Vladivostok, Khabarovsk and Yuzhno-Sakhalinsk to Migrants from East Asia]. *Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii DVO RAN*, 2018, no. 18, pp. 111—121. (In Russ.)
10. Larin V.L., Larina L.L. *Okruzhayushchiy mir glazami dal'nevostochnikov: evolyutsiya vzglyadov i predstavleniy na rubezhe XX—XXI vekov* [The World through the Eyes

- of the Inhabitants of the Far East: The Evolution of People's Perception and Attitudes at the End of the Twentieth and the Beginning of the Twenty-First Centuries]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2011, 312 p. (In Russ.)
11. Larina L.L. Yaponiya glazami zhenshchin Tikhookeanskoy Rossii (po itogam izucheniya obshchestvennogo mneniya) [Japan through the Eyes of Women in Pacific Russia (Based on the Study of Public Opinion)]. *Materialy XXXI Rossiysko-yaponskogo simpoziuma istorikov i ekonomistov DVO RAN i rayona Kansay (Yaponiya)* [Proceedings of the 31st Russian-Japanese Symposium of Historians and Economists of FEB RAS and the Kansai Region (Japan)]. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2016, pp. 59–65. (In Russ.)
 12. *Mir glazami rossiyan: mify i vneshnyaya politika* [The World through the Eyes of Russians: Myths and Foreign Policy]. Ed. by V.A. Kolosov. Moscow, In-t fonda "Obshchestvennoe mnenie" Publ., 2003, 304 p. (In Russ.)
 13. *Plenarnoe zasedanie Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma. 7 iyunya 2019 g.* [The Plenary Meeting of St. Petersburg International Economic Forum. June 7, 2019]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/60707> (accessed 15.06.2019). (In Russ.)
 14. Ponkratova L.A., Zabiyyako A.P., Kobyzov R.A. *Russkie i kitaytsy: etnomigratsionnyye protsessy na Dal'nem Vostoke* [Russians and the Chinese: Ethno-Migration Processes in the Far East]. Blagoveshchensk, Amurskiy gos. un-t Publ., 2009, 412 p. (In Russ.)
 15. *Rossiya: druz'ya, vragi, otnoshenie v mire* [Russia: Friends, Enemies, Attitude in the World]. Available at: http://fom.ru/Mir/14025?utm_source=digest_weekly_fomru&utm_medium=email&utm_campaign=digest5 (accessed 15.06.2019). (In Russ.)
 16. *Rossiya i Kitay: pozitsii v mire* [Russia and China: Positions in the World]. Available at: <https://fom.ru/Mir/14063> (accessed 18.01.2020). (In Russ.)
 17. *Svedeniya o kolichestve zhiteley Primorskogo kraya, vyekhavshikh za granitsu za 2016 god v sravnenii s 2015 godom* [Information on the Number of Residents of the Primorye Region Who Went Abroad in 2016 Compared to 2015]. Available at: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/tourism-pk/plany-i-otchetny-departamenta.php> (accessed 02.09.2019). (In Russ.)
 18. *Sostoyalas' vstrecha sopedredateley Mezhpriavitel'svennoy rossiysko-kitayskoy komissii po sotrudnichestvu i razvitiyu Dal'nego Vostoka i Baykal'skogo regiona Rossii i Severo-Vostoka Kitaya* [A Meeting of the Co-Chairs of the Intergovernmental Russian-Chinese Commission for Cooperation and Development of the Far East and the Baikal Region of Russia and Northeast China Took Place]. Available at: <http://government.ru/news/36535/> (accessed 18.01.2020). (In Russ.)
 19. *Tikhookeanskaya Rossiya v integratsionnom prostranstve Severnoy Patsifiki v nachale XXI veka: opyt i potentsial regional'nogo i prigranichnogo vzaimodeystviya* [Integrating Pacific Russia into the North Pacific Region at the Beginning of the Twenty-First Century: Experience and Potential of Regional and Cross-Border Cooperation]. Ed. by Corresponding Member of RAS, Professor V.L. Larin. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2017, 386 p. (In Russ.)
 20. *Trutnev priglasil Kitay k sotrudnichestvu v rossiyskoy Arkticheskoy zone* [Trutnev Invited China to Cooperate in the Russian Arctic]. Available at: <https://ria.ru/20190426/1553087144.html> (accessed 08.01.2020). (In Russ.)
 21. Alexseev M.A., Hofstetter R. Russia, China, and the Immigration Security Dilemma. *Political Science Quarterly*, 2006, no. 1, pp. 1–32. (In Eng.)
 22. Mackerras K. China's Values: Western Images and Realities. *中国道路与国家形象* [China's Road: Values and National Image]. Beijing, 中国人民大学出版社 Publ., 2013, pp. 177–186. (In Eng.)
 23. 徐帼纒. 冷战后中国在俄罗斯民意调查中的形象分析 [Xu Guoing. The Analysis of China's Image in Russian Public Opinion Polls after the Cold War]. Beijing, 外交学院 Publ., 2018, 52 p. (In Chin.)

Дата поступления в редакцию 15.06.2020